

УДК 343

В.А. Лазарева*

С.А. ШЕЙФЕР. КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Ушел один из самых известных ученых-процессуалистов современной России, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Семен Абрамович Шейфер, посвятивший всю свою творческую жизнь исследованию самых актуальных вопросов уголовно-процессуального права – доказывания, следственных действий, проблем предварительного расследования. Разрабатываемая им в течение многих лет концепция формирования доказательств оказала и продолжает оказывать существенное влияние на развитие отечественной теории доказательств и определение перспектив дальнейшего реформирования уголовного судопроизводства. Анализ теоретического наследия профессора С.А. Шейфера и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: С.А. Шейфер, доказывание, формирование доказательств, собирание доказательств, понятие доказательства, содержание и форма доказательств, источники доказательств.

Памяти учителя.

Подлинность ученого часто становится понятной, лишь когда он уходит из жизни. Она определяется тем, живут ли после этого его мысли, созданные им теории, разработанные им концепции, оказывают ли они влияние на дальнейшее развитие науки, а в данном случае закона и практики. Нет сомнений, что обосновываемая Семеном Абрамовичем Шейфером концепция формирования доказательств найдет свое применение, даже если развитие уголовного процесса когда-нибудь пойдет иным путем.

Появление концепции формирования доказательств в уголовном процессе было явлением закономерным, подготовленным предшествующим развитием науки, стимулированным принятием в 1960 году УПК РСФСР как символа новой, освобожденной от негативных последствий предшествующего периода, эпохи.

По сравнению со своими предшественниками Уголовно-процессуальный кодекс 1960 года содержал более детальную регламентацию процесса доказывания. В нем появилось указание на подлежащие доказыванию обстоятельства, сформулировано понятие «обязанность доказывания», дано содержательное определение доказательства, расширены перечни видов доказательств и способов их собирания. Стремительное развитие науки уголовного процесса привело к формированию теории доказательств [2; 4; 7; 8; 10; 12; 20; 21], стремящейся выйти за рамки подсистемы, опирающейся на теорию познания и психологию и активно взаимодействующей с криминалистикой.

Опираясь на диалектический материализм – составную часть марксистско-ленинской философии как общей для того времени научной методологии,

теория доказательств, естественно, следовала идеологически обусловленным курсом. Учение о познаваемости мира трансформировалось в тезис о принципиальной возможности раскрытия каждого преступления и обусловило формирование концепции объективной истины в качестве достижимой цели уголовного судопроизводства. Отсюда задачей уголовного процесса объявлялось быстрое и полное раскрытие каждого преступления с тем, чтобы ни один виновный не избежал уголовной ответственности. «Деятельность органов предварительного расследования и суда по борьбе с преступностью может быть успешной, если их решения по каждому уголовному делу будут соответствовать тому, что произошло в действительности. Следователь и суд должны точно и полно познать картину совершенного преступления, т. е. достичь истины. Обязанность достижения истины – первоочередное и необходимое требование, без выполнения которого невозможно правильное осуществление социалистического правосудия» [20, с. 36], а «единственным средством установления истины по уголовному делу является доказывание – деятельность следователя, прокурора и суда по собиранию, проверке и оценке доказательств» [24, с. 3].

Словосочетание «собирание доказательств» было употреблено в ст. 70 УПК РСФСР в принципиально отличном от предшествующего периода смысле. УПК РСФСР 1923 года использовал термин «собирание» лишь применительно к вещественным доказательствам и письменным документам (ст. 59), то есть в значении завладения готовыми источниками информации, и не распространял его на показания, заключение эксперта, протоколы следственных действий. В отношении происхождения доказательств закон употреблял иные формулировки, например,

* © Лазарева В.А., 2017

предварительное следствие признавалось законченным, если «добытые (курсив мой. — В.Л.) данные достаточны для предания суду» (ст. 206), а народный судья назначает дело к слушанию, если «признает расследование достаточным» (ст. 234).

Появление новой терминологии означало существенное изменение подхода к понятию доказательства. Впервые на законодательном уровне вместо перечня было дано определение доказательства как любых фактических данных, на основе которых следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновности лица в совершении этого деяния и иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела (ч. 1 ст. 69). Понять, что такое фактические данные вне положений ст. 70 УПК, называвшейся «Собирание доказательств», было практически невозможно, но с учетом содержания этой статьи можно было предположить, что доказательства возникают в уголовном деле в результате совершения следственных действий; истребования от учреждений, предприятий и организаций предметов и документов, могущих устанавливать необходимые для дела фактические данные; производства ревизии и принятия доказательств от любых представивших их лиц.

Именно этот вывод, который обусловил интерес С.А. Шейфера к познавательной сущности следственного действия, лег в основу опубликованного в 1972 году учебного пособия «Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе». Еще не используя здесь термин «формирование доказательств», уже известный по работам Ц.М. Каз [7], В.Я. Дорохова [6], С.В. Курьева [8], он назвал существенные характеристики процесса собирания доказательств, которые впоследствии были развиты до уровня научной концепции. Опираясь на гносеологические основы доказывания, рассматривая познание следов преступления с позиций теории отражения [3; 11], а сами следы — как носителей информации [23], С.А. Шейфер пришел к заключению: собирание доказательств нельзя рассматривать как простое завладение готовыми доказательствами, ибо готовых доказательств в природе не существует. Оставленные преступлением следы, содержащие то или иное количество информации, превращаются в доказательства, лишь если они восприняты следователем или судом и отражены (зафиксированы) в материалах уголовного дела.

Следует отметить, что собирание доказательств после принятия УПК РСФСР 1960 года было предметом исследования многих авторов [4; 9; 17; 18], оказавших свое безусловное влияние на формирование позиции С.А. Шейфера, но психологическая структура следственного действия как познавательного акта обычно оставалась вне поля зрения процессуалистов. Признавая, что начальным моментом в структуре процесса доказывания являются поиск, обнаружение и закрепление доказательств, исследо-

ватели, как правило, не уделяли внимания психологическому содержанию этой деятельности, хотя и указывали на ее избирательный и целенаправленный характер. Заслуга С.А. Шейфера состоит в том, что он связал поисковую деятельность не только с источниками информации, но и с содержащейся в этих источниках ценной для расследования преступления информацией. Производя любое следственное действие, следователь целенаправленно и избирательно ищет в общем потоке информации ту, которая соответствует стоящей перед ним познавательной задаче.

В дальнейшем С.А. Шейфер постоянно акцентировал внимание именно на восприятии, характеризующем собирание доказательств как познавательный процесс, не уставая подчеркивать, что содержащаяся в следах преступления информация не переносится в материалы уголовного дела механически, а, отражаясь в сознании познающего субъекта, преобразуется по форме и изменяется по содержанию. Это было новым для того времени словом в процессуальной науке, усилиями С.А. Шейфера собиранию доказательств придан тот содержательный смысл, который сегодня фактически является общепризнанным: собирание доказательств есть процесс отражения следов преступления в сознании следователя, дознавателя, судьи и последующего отражения в материалах уголовного дела.

В 1981 году вышла монография С.А. Шейфера «Следственные действия. Система и процессуальная форма», предшествовавшая защите им докторской диссертации, а в 1986-м — новая работа «Собирание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы». В них, продолжая развивать сложившиеся в теории представления о доказывании как отражательном и информационном процессе, автор обосновывает главный тезис — собирание доказательств есть процесс их формирования, подтверждая тем самым ранее сказанное — готовых доказательств в природе не существует. «Получение доказательств следователем, — пишет он, — является результатом двойного отражения события преступления. Сначала оно отражается в окружающей обстановке», оставляя следы, которые «являются объективной основой уголовно-процессуального познания» [25, с. 6–7]. Но эти следы еще не доказательства, чтобы стать доказательствами, они должны быть отражены в сознании следователя или судьи, а затем и в материалах уголовного дела.

Вслед за П.А. Лупинской автор назвал этот процесс «вторичным отражением» преступления, хотя, на наш взгляд, перенос информации со следов преступления в материалы дела осуществляется в два этапа — отражение следов преступления в сознании следователя (восприятие) и отражение сформированного в сознании субъекта познавательного образа в материалах дела (фиксация, закрепление результата познавательного акта). Ошибочность

такого представления, возможно, и послужила основанием для критики концепции формирования доказательств, в том числе и в наших работах, ибо зафиксированный в протоколе познавательный образ воспринятой следователем информации, извлеченной из следов преступления, неидентичен информации, содержащейся в следах. Закрепление результатов следственного действия как познавательного акта представляет собой новый этап отражения, соответственно, перекодирования информации, а значит, увеличивает риски ее утраты и искажения.

Исходя из того, что «в процессе восприятия следователем и судом и отражения в материалах дела следов преступления и формируется доказательство в уголовно-процессуальном смысле» [25, с. 7], С.А. Шейфер определяет собирание доказательств как систему «действий, обеспечивающих восприятие субъектом доказывания объективно существующих следов изучаемого события, сопровождающихся формированием в сознании познавательного образа, а также действий, обеспечивающих сохранение этого образа путем процессуальной фиксации результатов восприятия» [26, с. 24].

Учение С.А. Шейфера о формировании доказательств в процессе их собирания является стройной научно обоснованной концепцией, логично объясняющей практически все постулаты советской теории доказательств. Подчеркивая, что процесс формирования доказательств означает придание законченности (формы) фактическим данным (содержанию), автор объединяет в единое целое обе части ст. 69 УПК РСФСР и вносит свой вклад в решение спорного вопроса о том, чем именно являются доказательства — фактическими данными, о которых говорилось в ч. 1 ст. 69, или их так называемыми источниками, перечисленными в части второй. Сами фактические данные с позиций этой концепции логично воспринимаются не как факты, а как сведения о них (что в конечном итоге и подтвердил законодатель (ч. 1 ст. 74 УПК РФ)).

Представление о доказательстве как продукте познавательной деятельности следователя логично объясняет требование закона о необходимости его тщательной и всесторонней проверки (ч. 3 ст. 70 УПК РСФСР; ст. 87 УПК РФ) и принципиальное положение о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (ч. 2 ст. 71 УПК РСФСР; ч. 2 ст. 17 УПК РФ), ведь они всего лишь описание результата восприятия, часто опосредованного (показания), следователем тех или иных событий.

Глубоко проникнув в суть познавательных процессов, С.А. Шейфер не мог не обратить внимания на закономерности их протекания, в частности, на то, что многократное преобразование (перекодирование) информационного сигнала в процессе взаимодействия отражаемой и отражающей систем способно привести к утере и искажению содержания информации. Отсюда постоянное стремление

автора разработать такой алгоритм следственного действия, который сводил бы подобные риски к минимуму [27; 28]. Гарантией достоверности познания преступления Семен Абрамович считал процессуальную форму, которая из способа закрепления (путем протоколирования и применения других средств оформления) и сохранения информации постепенно превращается в его исследованиях в систему нормативно-правовых предписаний, регулирующих основания, условия и порядок действий по собиранию доказательств [25, с. 50–51]. Фактическое отождествление формы собирания доказательств с формой самого доказательства впоследствии привело к ошибочному представлению о доказательствах как о результатах деятельности следователя — единственного субъекта, формирующего доказательства, и искаженному пониманию допустимости доказательства. «Допустимыми, — писал он, — являются лишь доказательства, полученные законными, т. е. предусмотренными законом, способами» [28, с. 60], тогда как, согласно ст. 75 УПК, недопустимым является доказательство, полученное с нарушением требований закона. При таком подходе доказательства, представленные сторонами, оказываются заведомо недопустимыми, что в условиях состязательности, более чем спорно.

Концепция формирования доказательств как синонима их собирания соответствовала существовавшей во время ее возникновения модели уголовного судопроизводства и потому привлекла много сторонников [5; 14–16; 19; 22]. В уголовном процессе, который не имел состязательной формы, доказательства могли быть получены только органами предварительного расследования, а поскольку перед следователем, прокурором и судом стояли общие задачи — быстро и полно раскрыть преступление и изобличить виновного, не допустить, чтобы виновный ушел от ответственности, а невиновный был осужден, исследовать обстоятельства дела объективно и всесторонне, — результаты познавательной и удостоверительной деятельности следователя (дознателя) признавались доказательствами и в суде, т. е. судебными доказательствами.

Кардинальные изменения системы принципов уголовного процесса в принятом в 2001 году УПК РФ не могли не привести к критике концепции формирования доказательств. Согласиться с тем, что доказательства формирует следователь, отнесенный к субъектам уголовного преследования, значит, отрицать состязательность как принцип уголовно-процессуальной деятельности и независимость суда как носителя самостоятельной власти и субъекта свободной оценки доказательств. Продолжая утверждать, что доказательства — это оформленный в соответствии с требованиями УПК познавательный образ отразившихся в сознании следователя следов преступления, мы фактически признали бы фиктивность многих обусловленных принципом состязательности правил — о разделении процессуальных функций,

о равноправии сторон, о собирании и представлении доказательств обвиняемым и потерпевшим, защитником и представителем, не имеющим полномочий по формированию доказательств. Стремясь преодолеть это противоречие и продолжая вопреки закону видеть в следователе не обвинителя, а объективного исследователя, С.А. Шейфер активно обосновывал идею существования самостоятельной следственной (или судебно-следственной) власти, «которая в современных правовых системах рассматривается как особый вид власти, примыкающий к власти судебной», но при этом включена в содержание обвинительной власти [29, с. 131–132]. Поскольку отрицать обвинительный характер деятельности следователя невозможно, С.А. Шейфер постоянно указывал на необходимость соблюдать в процессе расследования объективность, исследовать обстоятельства дела непредвзято (чему должно было способствовать возвращение в УПК принципа полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела как синонима принципа объективной истины), хотя и характеризовал такое положение следователя как «состояние внутреннего интеллектуального раздвоения» [29, с. 137]. Выход из этого антагонистического, по его мнению, противоречия автор видел в том, чтобы либо «исключить следователей из числа участников процесса на стороне обвинения и ограничить их деятельность исследовательской функцией», либо, «сохранив нынешний статус следователя как участника процесса на стороне обвинения, дополнить его обязанностью всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства предмета доказывания» [1, с. 246]. Второй вариант, предлагаемый, в частности, Н.С. Мановой [13, с. 61], С.А. Шейфер считал менее предпочтительным, но приемлемым, хотя при этом резко критиковал наш тезис о том, что «полно, объективно и всесторонне исследуя обстоятельства дела, следователь осуществляет уголовное преследование».

Идеальным вариантом С.А. Шейфер считал «возвращение к истокам» – возрождение в России фигуры судебного следователя, отделенного от уголовного преследования [1, с. 223–246]. Появление судебного следователя, или, как чаще пишут, следственного судьи, действительно меняет конфигурацию досудебного производства. В соответствии с логикой состязательного судопроизводства собирание доказательств неизбежно разделяется на два этапа: поиск и обнаружение источников информации осуществляют стороны, а исследование заключенных в источнике сведений и придание им надлежащей формы относится к компетенции следственного судьи. Не прошедшие такой предварительной судебной процедуры сведения не используются в качестве основания судебных решений, то есть не рассматриваются в качестве доказательств, но их источники могут быть представлены сторонами для непосредственного исследования в ходе основного судебного разбирательства. При таком раскладе субъектом формирования доказательств является суд – ис-

следуя представленные сторонами источники сведений, суд и формирует тот самый познавательный образ, который использует в качестве основания принимаемых им решений. Формирование доказательств как основания процессуального решения, таким образом, происходит в открытой (гласной) состязательной и справедливой процедуре, позволяющей учесть аргументы обеих сторон.

Предложение о введении в России фигуры следственного судьи, таким образом, способно дать концепции формирования доказательств новую жизнь. Однако при описанном подходе к понятию доказательств исчезает сама потребность в учреждении такой фигуры. Достаточно признать, что полученные, проверенные и оформленные следователем сведения об имеющих значение для дела обстоятельствах не являются судебными доказательствами, не имеют для суда силы доказательств и не являются единственными источниками доказательств.

Объективность любого научного знания, как известно, исторична – мнение, казавшееся объективным в одно время, может оказаться субъективным в другое, поэтому, анализируя концепцию формирования доказательств с позиций современного уголовно-процессуального закона, трудно не видеть растущего противоречия между ней и реальностью. Концепция формирования доказательств как синонима их собирания следователем, дознавателем не в состоянии объяснить уже существующие новые («не процессуальные») способы получения доказательств и новые (условно говоря, упрощенные) формы судопроизводства, а гипертрофированная процессуальная форма как единственное условие допустимости доказательств становится тормозом развития состязательности. Однако, согласившись считать доказательствами результаты познавательной деятельности не следователя, а суда, мы можем в полной мере продолжать ориентироваться на сформулированные профессором Шейфером Семеном Абрамовичем глубокие теоретически взгляды, обоснованные выводы и практические рекомендации.

Библиографический список

1. Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2016.
2. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М.: Юр. лит., 1969.
3. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М.: Изд. ВШ МВД СССР, 1970.
4. Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М.: Наука, 1966.
5. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009.
6. Дорохов В.Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9.

7. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960.
8. Курьлев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969.
9. Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966.
10. Ларин А.М. Доказывание на предварительном расследовании в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961.
11. Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966.
12. Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966.
13. Манова Н.С. Предварительное следствие: идеи и новые законодательные реалии // Государство и право. 2003. № 2.
14. Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев: Вища школа, 1984.
15. Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия. Тула: Автограф, 2003.
16. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2005.
17. Ратинов А.А. Судебная психология для следователей. М., 1967.
18. Россинский С.Б. Следственные действия. М.: Норма, 2018.
19. Соловьев А.Б. Актуальные проблемы досудебных стадий уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2006.
20. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. Изд. 2, исправ. и доп. М.: Юр. лит., 1973.
21. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960.
22. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юрист, 2004.
23. Украинцев Б.С. Отображение в неживой природе. М., 1969.
24. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972.
25. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юр. лит., 1981.
26. Шейфер С.А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе. Методологические и правовые проблемы. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1986.
27. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004.
28. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008.
29. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма, 2013.
30. Belkin R.S., Vinberg A.I. Kriminalistika i dokazyvanie [Criminalistics and proving]. M.: Iurid. lit., 1969 [in Russian].
31. Belkin R.S. Leninskaia teoriia otrazheniia i metodologicheskie problemy sovetskoi kriminalistiki [Lenin's theory of reflection and methodological problems of Soviet forensic science]. M.: Izd. VSh MVD SSSR, 1970 [in Russian].
32. Belkin R.S. Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody [Collection, research and evaluation of evidence. Essence and methods]. M.: Nauka, 1966 [in Russian].
33. Dolya E.A. Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deiatel'nosti [Formation of evidence based on the results of operational-search activity]. M., 2009 [in Russian].
34. Dorokhov V.Ya. Poniatie dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse [Concept of evidence in the Soviet criminal process]. [Soviet State and Law], 1964, no. 9 [in Russian].
35. Kaz Ts.M. Dokazatel'stva v sovetskom ugovnom protsesse [Evidences in the Soviet criminal procedure]. Saratov, 1960 [in Russian].
36. Kurylev S.V. Osnovy teorii dokazyvaniia v sovetskom pravosudii [Fundamentals of the theory of proof in Soviet justice]. Minsk, 1969 [in Russian].
37. Larin A.M. Rabota sledovatel'ia s dokazatel'stvami [Work of an investigator with evidences]. M., 1966 [in Russian].
38. Larin A.M. Dokazyvanie na predvaritel'nom rassledovanii v sovetskom ugovnom protsesse. Diss. k.i.u.n. [Proving on preliminary investigation in the Soviet criminal process. Candidate's of Laws thesis]. M., 1961 [in Russian].
39. Leninskaia teoriia otrazheniia i sovremennaia nauka [Lenin's theory of reflection and modern science]. M., 1966 [in Russian].
40. Lupinskaya P.A. Dokazyvanie v sovetskom ugovnom protsesse [Proving in the Soviet criminal procedure]. M., 1966 [in Russian].
41. Manova N.S. Predvaritel'noe sledstvie: idei i novye zakonodatel'nye realii [Preliminary investigation: ideas and new legislative realities]. [State and Law], 2003, no. 2 [in Russian].
42. Mikheenko M.M. Dokazyvanie v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve [Proving in Soviet criminal justice]. Kyiv: Vishcha shkola, 1984 [in Russian].
43. Pobedkin A.V., Yashin V.N. Sledstvennye deistviia [Investigative actions]. Tula: Avtograf, 2003 [in Russian].
44. Pobedkin A.V. Teoriia i metodologiiia ispol'zovaniia verbal'noi informatsii v ugovno-protsessual'nom dokazyvanii [Theory and methodology of using verbal information in criminal procedural proof]. M., 2005 [in Russian].
45. Ratinov A.A. Sudebnaia psikhologiiia dlia sledovatelei [Forensic psychology for investigators]. M., 1967 [in Russian].
46. Rossinskiy S.B. Sledstvennye deistviia [Investigative actions]. M.: Norma, 2018 [in Russian].
47. Soloviev A.B. Aktual'nye problemy dosudebnykh stadii ugovnogo sudoproizvodstva [Actual problems of pre-trial stages of criminal proceedings]. M.: Iurilitinform, 2006 [in Russian].
48. Teoriia dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse. Otv. red. N.V. Zhogin, izd-e 2-e ispravlennoe i dopolnennoe [Theory of evidence in the Soviet criminal process. N.V. Zhogin (ed.), 2nd edition, revised and enlarged]. M.: Iurid.lit., 1973 [in Russian].
49. Trusov A.I. Osnovy teorii sudebnykh dokazatel'stv [Fundamentals of the theory of judicial evidence]. M., 1960 [in Russian].
50. Ugovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii. Uchebnik. Otv. red. P.A. Lupinskaia [Criminal Procedure Law of

References

1. Apparat vlasti sledstvennoi. Ed. by N.A.Kolokolova. Koll. avtorov [Office of the investigative power. N.A. Kolokolov (Ed.). Collective of authors]. M.: Iurilitinform, 2016 [in Russian].

the Russian Federation. Textbook. P.A. Lupinskaya (Ed.)). M.: Iurist», 2004 [in Russian].

23. Ukraintsev B.S. Otbrazhenie v nezhivoi prirode [Display in inanimate nature]. M., 1969 [in Russian].

24. Sheifer S.A. Sushchnost' i sposoby sobiraniia dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse [Essence and ways of collecting evidence in the Soviet criminal process]. M., 1972 [in Russian].

25. Sheifer S.A. Sledstvennye deistviia. Sistema i protsessual'naia forma [Investigative actions. System and procedural form]. M.: Iurid. lit., 1981 [in Russian].

26. Sheifer S.A. Sobiranie dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse. Metodologicheskie i pravovye problemy [Collecting evidence

in the Soviet criminal process. Methodological and legal problems]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1986 [in Russian].

27. Sheifer S.A. Sledstvennye deistviia. Osnovaniia, protsessual'nyi poriadok i dokazatel'stvennoe znachenie [Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value]. M.: Iurlitinform, 2004 [in Russian].

28. Sheifer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniia [Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. M.: Norma, 2008 [in Russian].

29. Sheifer S.A. Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiia sledstvennoi, sudebnoi i prokurorskoii vlasti [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of the investigative, judicial and prosecutorial authorities]. M.: Norma, 2013 [in Russian].

*V.A. Lazareva**

S.A. SHEIFER. THE CONCEPT OF EVIDENCE FORMATION

Passed away one of the most famous researcher in criminal proceedings modern Russia, honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, professor Semen Abramovich Sheifer, who devoted his entire creative life to the exploration of the most pressing issues of the law of criminal procedure – proving, investigation, preliminary investigation issues. Developed over the years the concept of evidence has had and continues to have a significant impact on the development of national theories of evidence and determining the prospects for further reform of criminal proceedings. Analysis of theoretical heritage of the professor S.A. Sheifer is presented in this article.

Key words: S.A. Sheifer, proof, formation of evidences, collection of evidences, concept of evidence, contents and form of evidences, sources of evidences.

* *Lazareva Valentina Alexandrovna* (lazarevava@mail.ru), Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.